

Это неовладѣніе формой Толстымъ можетъ быть двойкаго характера: отъ отсутствія технического мастерства и отъ громадности содержанія. Ну, конечно, такое неовладѣніе формой — отъ громадности содержанія. Толстой, оставаясь художникомъ, былъ уже не художникъ. Проповѣдникъ сидѣлъ въ немъ съ первыхъ дней его жизни.

Кризисъ его художественной дѣятельности самъ собою понятенъ.

Но, ставъ проповѣдникомъ, Толстой не удовлетворялъ многимъ чертамъ, свойственнымъ генію проповѣдника.

Мы понимаемъ проповѣдь въ двойкомъ смыслѣ: проповѣдь дѣломъ своей жизни, и проповѣдь словомъ. Проповѣдь жизни Толстого—до послѣднихъ дней жизнь Толстого протекала обратно проповѣди: гналъ, бичевалъ, отвергалъ культуру и государство, а самъ оставался и въ культурѣ, и въ государствѣ.

Проповѣдь словомъ: или она непосредственно зажигаетъ своимъ огнемъ, или она побѣждаетъ логикой доводовъ. Но статьи, поученья и притчи Толстого незажигательны. Логика,—проповѣдь логикой, въ настоящее время есть проповѣдь специальныхъ каедръ. И логическая структура толстовства вразумительна чѣмъ угодно, но не логикой только.

Отвергая искусство, логику и науку, Толстой не обладалъ качествомъ религіознаго проповѣдника: слова его не жгли подлиннымъ огнемъ; самая высказанная религія Толстого сплошь рационалистична, а рационализмъ и религія—*contradictio in adiecto*. Стало быть, либо подлинный религіозный опытъ чуждъ былъ Толстому, либо опытъ тотъ еще менѣе, чѣмъ художество, былъ выразимъ въ словѣ. И судя по тому, что Толстой не нашелъ иныхъ средствъ иллюстрировать свой религіозный опытъ, кромѣ взвѣшеннаго подбора чужихъ словъ („*Кругъ чтенія*“), можно сказать, что индивидуальная проповѣдь Толстого закончилась *кризисомъ*.

Два *кризиса* отдѣляютъ Толстого отъ многихъ десятилѣтій его художественной дѣятельности: сперва онъ не сумѣлъ высказать свою правду, какъ художникъ; потомъ не сумѣлъ ее возвѣстить міру проповѣдью. Какъ же не назвать Льва Толстого *великимъ неудачникомъ* тѣмъ, кто опредѣляетъ реальность дѣятельности по достиженію?

Но высокая правда ухода Толстого, того единственнаго поступка, который ждалъ отъ него весь зрячій міръ, какъ религіознаго